

Достаточно широко в книге И. Мухиддинова представлен терминологический аппарат — специальные названия, зафиксированные автором на различных языках и диалектах Памира. Правда, в записях и толковании ряда терминов допущены неточности. Так, характерные для шугиано-рушанской языковой группы долгие гласные нередко обозначены как краткие; не всегда удачна транскрипция приводимых терминов. Видимо, автору следовало бы более широко использовать в своей терминологической работе имеющиеся словари памирских языков и соответствующие лингвистические работы. Весьма полезным был бы глоссарий. В книге отсутствует также список сокращений и указатель географических названий. Большой список использованной литературы (306 названий) показывает, что автор в основном учел в своей работе имеющуюся к настоящему времени специальную литературу по Памиру, изданную в СССР и за рубежом. И все-таки некоторые важные исследования остались вне поля зрения автора. Так, работа И. М. Стеблин-Каменского «Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений» (М., 1982) не нашла отражения в книге И. Мухиддинова. А ведь в ней дан глубокий синхронный и диахронный анализ множества земледельческих терминов и рассмотрен ареал возделывания культурных растений на Памире.

Отмеченные отдельные недостатки не умаляют научного значения рецензируемой монографии, которая, несомненно, заинтересует не только историков и этнографов, но также лингвистов, ботаников, фольклористов и всех исследователей народной земледельческой культуры.

Д. Карамшоев, М. Рахимов

Л. С. Толстова. Исторические предания Южного Приаралья. (К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона). Отв. ред. Б. В. Андрианов. М., 1984, 246 с.

Основным методом в современных этногенетических исследованиях является, как известно, комплексный подход, т. е. широкое привлечение источников и методических приемов разных научных дисциплин — истории, этнографии, фольклора, лингвистики, археологии и др. Однако до настоящего времени вклад их в разработку этногенеза и этнической истории был неравноценен; так, например, данные исторического фольклора обычно играют вспомогательную роль по отношению к археологическим, этнографическим, языковым и антропологическим. Между тем возможности исторического фольклора намного шире, чем это нередко представляется, хотя реализация их требует более глубокой разработки ряда теоретических и методических вопросов, касающихся закономерностей формирования и развития исторического фольклора, закономерностей и особенностей распространения и миграции сюжетов и образов, систематизации и классификации материалов исторического фольклора, принципов его сравнительно-исторического анализа и т. д.

Монография Л. С. Толстовой — одна из редких работ, посвященных всем этим вопросам. Автор последовательно проводит мысль о том, что исторический фольклор (в частности, Южного Приаралья) может быть самостоятельным источником при исследовании этногенетических сюжетов, этнических и культурных контактов различных народов (каракалпаков, отдельных групп узбеков и туркмен) на протяжении длительного времени — с древности до позднего средневековья.

Среди многих общетеоретических положений монографии наиболее ценным надо признать тезис автора о необходимости исследования поставленных проблем в рамках не одного или даже группы этносов, а в масштабах обширного историко-культурного региона (в данном случае Арало-Каспийского). Подчеркнем, что опубликованные в последнее десятилетие историко-этнографические исследования по разным народам доказали несомненную результативность ареальных сравнительно-исторических сопоставлений. обстоятельный обзор и анализ этих работ, сделанный автором во второй главе, подтвердил необходимость использования исторического фольклора населения Арало-Каспийского историко-культурного региона для изучения многих этнографических проблем, в том числе для разработки вопросов этногенеза. Доказательно выглядит один из главных тезисов автора — сохранение древних фольклорных сюжетов и образов в определенном ареале (Южном Приаралье) даже при смене языка его населения (с. 25 и др.).

Успешной реализации замыслов автора способствовал весьма внушительный корпус источников, накопленный Л. С. Толстовой за многие годы работы. Эти богатейшие источники (преимущественно полевые и нарративные) компактно представлены в главе третьей. Дело, однако, не только в количестве и высокой информативности источников. Эффективность их вовлечения в исследовательский процесс существенно повышена благодаря умелой систематизации и обработке материала: имеются в виду классификация исторических преданий и легенд по сюжетам (с. 81—144); стремление, часто очень удачное, обозначить стратиграфические срезы фольклорных произведений, позволяющие подвергнуть их относительной датировке (с. 106 и др.); словесное фольклористическое (в одном случае и графическое) картографирование некоторых сюжетных групп или этногенетических линий; анализ «меры историзма» тех или иных жанров или произведений исторического фольклора (см. главы первую и третью). Эти методические приемы, учитывая различное происхождение использованных Л. С. Толсто-

вой источников, совершенно необходимы для интеграции разнотипных и разновременных произведений фольклора в единый свод. Широко и творчески используя эти приемы, она создала фундаментальную источниковую основу для разработки этногенетических проблем. Приаралья эпохи древности.

Фольклор Южного Приаралья исследуется Л. С. Толстой на фоне истории Арало-Каспийского региона с характеристикой этнокультурных процессов там с неолита до раннего средневековья. При этом обстоятельно использована новейшая литература: во многих случаях автором дана оригинальная трактовка этноисторических проблем с привлечением археологических и антропологических материалов (глава вторая). Такой подход позволил Л. С. Толстой вполне доказательно объяснить близость и сходство анализируемых ею фольклорных сюжетов разного происхождения и разных народов как результат конвергенции, взаимовлияния или общности этногенетических истоков.

В целом теоретические и методические положения монографии дали возможность Л. С. Толстой существенно расширить хронологический диапазон этнокультурных процессов, исследуемых ею на основе данных исторического фольклора (до I тыс. до н. э.), а также повысить доказательность полученных выводов. В отличие от некоторых ранних публикаций Л. С. Толстой в монографии вполне убедительно доказаны положения о юго-западных (переднеазиатских) связях Южного Приаралья, о миграции сюда каких-то групп восточноиранского и, частично, западноиранского происхождения, о муйтенах как реликтовой в субстратной основе группе переднеазиатского происхождения и т. д. (глава четвертая). С особым интересом воспринимается анализ фольклорных сюжетов, восходящих к скифо-массагетско-сармато-аланскому миру, и параллелей этим сюжетам в историческом фольклоре Южного Приаралья и Северного Кавказа (глава пятая).

В монографии специально не исследуются, но приведены материалы и интересные авторские интерпретации позднесредневековых произведений фольклора региона, в которых проявляются субстратные (индоевропейские) и суперстратные (тюркские) слои (с. 216 и др.).

Л. С. Толстова в подтверждении своим выводам приводит и этнографический материал, причем используемые ею сравнения и заключения могут пролить свет на происхождение некоторых распространенных среди тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы типов одежды или украшений (например, старинных головных уборов, украшенных кораллами и бисером под влиянием иранского юга).

В монографии, как и в любой подлинно творческой работе, немало и дискуссионного. Так, сложную проблему территории формирования индоевропейской и индоиранской общностей, очевидно, нельзя полностью решить на материалах исторического фольклора, хотя, конечно, высказанные автором соображения в связи с гипотезой Г. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, безусловно, привлекут внимание. Было бы желательно представить более отчетливо географически и хронологически распад Арало-Каспийского историко-культурного региона и образование на этой территории новых историко-культурных общностей. Это чрезвычайно важно для выяснения целого ряда этногенетических сюжетов в рассматриваемом регионе в эпоху средневековья. Не совсем точны и убедительны некоторые этнонимические сопоставления, например, в главе пятой.

В целом, однако, не дискуссионные вопросы и незначительные погрешности определяют оценку монографии. Книга Л. С. Толстой, доказывающая большую ценность и самостоятельность исторического фольклора как источника при этногенетических исследованиях, по-новому исследующая целый ряд проблем этнической истории народов Средней Азии в древности и раннем средневековье, демонстрирующая новые методические подходы к использованию материалов по историческому фольклору, является весомым вкладом в советскую этнографическую науку. Важно добавить, что книга Л. С. Толстой открывает новые исследовательские перспективы, весьма многообещающие для разработки этногенетических и этнокультурных проблем Евразии. В частности, большое значение имели бы реконструкция истории формирования и развития Арало-Каспийского историко-культурного региона, дальнейшая разработка проблем Приаральского этногенетического узла с древности до позднего средневековья. Многие выводы и заключения Л. С. Толстой позволяют по-новому взглянуть на субстратную роль индоевропейских (индоиранских) племен в этнокультурных процессах в Поволжье, на Южном Урале и в Западной Сибири.

Р. Г. Кузев

В. Н. У в а ч а н. Годы, равные векам. М.: Мысль, 1984, 357 с.

Советскому Северу и удивительной судьбе населяющих его народов посвящена обширная литература. Интерес к проблемам Севера вполне закономерен: за последние десятилетия казавшиеся бросовыми тундровые и лесотундровые районы стали основной кладовой ценнейших полезных ископаемых, а отсталые в прошлом народы Севера заняли достойное место в братской семье народов СССР.

Автор рецензируемой книги — доктор исторических наук, профессор, эвенк по национальности В. Н. Увачан. Основными источниками работы послужили документальные материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, мест-